

УДК 82.512.145(092)

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ ВОСТОЧНОГО ЖАНРА ГАЗЕЛИ И НОВАТОРСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ТАРХАНОВОЙ

Ф.Ф. Хасанова, кандидат филологических наук

В словаре арабских заимствований зафиксировано два значения слова «газель». Первое из них – «любовные стихи, бейты», второе – «хвалебное стихотворение, посвященное возлюбленной»¹. Таким образом, если следовать логике словаря, поэт, пишущий газели, должен принадлежать к мужскому племени. Более точную формулировку мы можем найти у известного ученого тюрколога Х.Курбатова: он, отмечая, что строфа газели делится на полустушия (мисраг), а одна строка строфы газели может состоять из двух полустуший; обращая внимание на специфику рифмы в газели, определяет газель как стихотворение, «пронизанное чувством возлюбленных друг к другу, т.е. чувством любви»². Таким образом, опираясь на труды известного ученого-тюрколога, можно сделать вывод о том, что газели может писать и женщина, подтверждением чему является творчество известной узбекской поэтессы Махлар-айым Надиры (1792–1842), прославившейся своими газелями, написанными на узбекском и персо-таджикском языках³.

«Национальный словарь» («Миллят сүзлеге») опирается на словарь арабских заимствований и фиксирует тот факт, что в переносном значении интересующий нас термин передает такой смысл, как «стихи для красивой, любимой девушки»⁴. Составленный признанным литературоведом А.Ахмадуллиным «Литературоведческий словарь» («Әдәбият белеме

сүзлеге») сообщает, что газель представляет из себя имеющий широкое распространение на мусульманском Востоке жанр лирики, возникший в арабском мире еще до VII века и распространившийся впоследствии в средневековых – персидской, турецкой, узбекской, татарской, азербайджанской и некоторых других литературах. В словаре говорится о том, что прекрасные образцы газели были созданы Саади, Хафизом, Сарай, Насими, Навои; указывается, что переводные газели создавались И.Гете, А.Фетом, В.Брюсовым, но их опыты не смогли выйти за рамки поэтической стилизации. Данный словарь интересен и тем, что в нем определяется тематика газелей, устанавливается их форма и рифма. Из других же поэтов, писавших в этом жанре, упоминаются У.Камал, Кулшариф, Ш.Заки, Г.Кандалый, Г.Тукай, М.Гафури. Завершает словарную статью утверждение: «*В современной татарской поэзии газель встречается редко*»⁵.

В работе Н.Юсуповой, в отличие от предыдущих словарей, говорится о том, что газель могла входить в состав лирического зачина в касыде (жанр восточной одической поэзии, по системе рифмовки похожая на газель, но газель – короткое стихотворение), отмечается, что в период Золотой Орды газель являлась ведущим жанром и что изначально она была ориентирована на восхваление Аллаха, лишь впоследствии обогатившись

светским содержанием. В названном словаре упоминаются имена А.Ясави, С.Бакыргани, Рабгузи, Харезми, Абдулмеджита, Маулани Исхака. В качестве иллюстративного материала приводятся газели Х.Туфана, имеющие социальное звучание, а из современной поэзии – произведения Р.Гаташа⁶.

Русскоязычная статья Х. Миннегулова для «Татарской энциклопедии» в целом коррелирует с вышеизложенными материалами, следует лишь отметить, что список поэтов, обращавшихся к жанру газели, он дополняет именем Ш.Бабича. В своей работе «Жанр газели и творчество Гаташа» ученый останавливается не только на жанровых особенностях газели, но и на истории ее возникновения, проследживает ее путь от арабской литературы к персидской и далее к тюркской, обращает внимание на ее строение, эстетические свойства, на то, что в поэтической системе этот жанр играл роль эталона прекрасного. В названном труде отмечается, что в советское время жанр газели практически окончательно угас, рудиментарно сохранившись лишь в творчестве А.Исхака и Н.Арыслана. Газели же Р.Гаташа автор рассматривает в общем плане, не обращая особого внимания на поэтические свойства жанра⁷.

В материалах, предназначенных для Тукаевской энциклопедии, Х.Миннегулов упоминает 15 стихотворений Г.Тукая, написанных в жанре газели. Среди них он выделяет три направления: первое – любовное; второе – социальное, философское, нравственное; третье – сатирическое, юмористическое (исследователь классифицирует их как стилизацию). Также отмечается, что газели Тукая могли иметь количество строк от восьми до четырнадцати.

Х.Миннегулов обращался и к творчеству Ш.Заки (1825–1865), особо

подчеркивая, что значительную часть его поэтического наследия составляют газели (40 процентов от общего количества стихов). Заметим, что, опираясь на мнение односельчанина Ш.Заки Зиннатуллы Мухамметрахима, исследователь включил в приведенные показатели и другие стихи поэта, в частности, мунаджаты; также ученый обращает внимание на тот факт, что многие газели поэта написаны характерным для аруза размером рамаль⁸.

При изучении жанра газели особо следует отметить труд Р.Ганиевой «Поэт-пророк эпохи», посвященный творчеству Р.Гаташа, к изучению которого ученый подходит с позиции выявления поэтических традиций Запада и Востока. Она пишет: «*Имеющие универсальное звучание любовные песни Р.Гаташа напоминают свободные газели великих лириков персидской и азербайджанской литератур Хафиза и Насими*». Р.Ганиева с высокой степенью научной аргументированности говорит о новаторстве Р.Гаташа, который, отказавшись от традиционных любовно-жертвенных мотивов, от какой-либо подражательности вообще (назира), обратился к интертекстуальности⁹.

В знаменитом труде Востока «Кабус-намэ» (глава 35, в переводе К.Насыйри) упоминается: «*Если же слагаешь газель и песню, говори попроще, и поизящнее, и с легкими рифмами, холодной и странной игры словами не применяй, а говори наподобие влюбленных изящными словами и применяй приятные образы, чтобы это нравилось и знатным, и простым*»¹⁰.

Известный ученый Н.Юзиев тоже основывается на учении К.Насыйри, при этом выделяет такие поэтические особенности жанра газели, как благозвучность, мелодичность, гармоничность. Ученый, в отличие от других исследователей, особое внимание

обращает на однозвучную рифму, идущую через строку, называя ее «газельной рифмой» (газели рифма)¹¹. А «Литературоведческий словарь» жанр газели характеризует как «специфическую разновидность восточной поэзии, требующую применения особого строя поэтической философии, пышной метафоричности, условной гиперболы и пр.»¹².

Таким образом, мы можем предположить, что читатель, вероятнее всего, столкнется именно с подобного рода теоретической информацией, посвященной жанру газели. Кроме того, размышления о поэзии Востока можно найти в трудах В.М. Жирмунского, А.М. Щербака, М. Хамраева, И.В. Стеблева, К.Е. Бертельса и других ученых.

Изучение развития жанра газели в татарской литературе последних лет связано в основном с творчеством трех поэтов – Ради́фа Гата́ша, Мухаммада Мирзы и Флеры Тархановой. Конечно, отдельные газели можно встретить и у Р.Хариса, Р.Файзуллина и у других поэтов, однако в их творческих мирах обращение к жанру газели не носит характер системного явления. Творчеству Р.Гаташа посвящены многочисленные труды Х.Миннегулова, следует отметить и фундаментальные работы Р.Ганиевой, имеющие высокую степень научной обоснованности. Исходя из вышесказанного мы полагаем, что обозначенное направление может быть продолжено лишь в случае появления новых газелей Р.Гаташа или же оно должно обогатиться новым вектором, приняв характер сравнительных исследований. В рамках изложенного литературоведческого дискурса нами было начато сравнительное изучение газелей Р.Гаташа и М.Мирзы. Однако газели и Ф.Тархановой до сих пор оставались вне поля зрения исследователей. Данная работа была создана именно в

целях заполнения названной лакуны. Наша цель – выявить то новое, что привнесла в татарскую литературу Ф.Тарханова своими стихами в жанре газели, попытаться определить место, которое эти стихи заняли в литературной иерархии.

Большая часть газелей поэтессы была написана в 2003 г. Правда, первая ее газель датирована 1993 г., отдельные произведения в этом жанре появлялись и в 2006–2007 гг.¹³. Интересно отметить, что первые ее поэтические опыты были выполнены в форме стилизации под газели – еще в 1982 г. Одна из подобного рода газелей – «Сколько я просила у Бога...» («Мин Ходайдан күпме үтендем...») – отражает состояние лирической героини, которую жизнь ведет по «тропам, хранящим следы юности», путь этот отмечен ожиданием суженого – состоянием, когда надежда начинает сменяться усталостью. «Сколько раз молила я Аллаха, и тысячу раз звезды обошла; / Слезами цветы я напоила, но до сих пор тебя я не нашла... // Много было вышедших навстречу, не секрет, без памяти любя. / Среди них не встретила мне ровню, неужели я не найду тебя? (Перевод Ф.Тархановой)

*Мин Ходайдан күпме үтендем,
йолдызларны урап мең килдем.
Күз яшемне гөлгә эчердем –
тиңем мине күрми микәнни?
Юлларыма чыккан күп лә ул,
шашып сөйгәннәр дә сер түгел.
Тик канатым һаман ул түгел –
үз насыйбым килмәс микәнни?*

Для большинства газелей Ф. Тархановой характерна вопросительная интонация в риторическом плане. Бесспорно, и газели Р.Гаташа привлекают внимание распространенностью вопросительной интонации. В свое время Р.Файзуллин так говорил о его стихах: «Еще один момент, который хотелось бы отметить: в книге очень много восклицаний, а особенно вопро-

сов. *Должен же мужчина на большинство вопросов отвечать самостоятельно!*» (1978). У М.Мирзы же вопросительная интонация встречается достаточно редко, обычно в контексте стихотворений социально-философского содержания. Вопросы у него не носят конкретного характера, имея риторическую направленность.

Между газелями Ф.Тархановой и Р.Гаташа наблюдается множество схожих черт. Однако способы формирования «вопросительного» дискурса их стихотворений отличаются: Р.Гаташ использует либо вопросительные аффиксы, либо внутреннюю интонацию, в то время как Ф.Тарханова отдает предпочтение вопросительным частицам, кроме того, поэтесса часто к вопросительным местоимениям добавляет вопросительные аффиксы. Газель «Сколько я просила у Бога...» («*Мин Ходайдан кўпме ўтендем...*»), как и некоторые другие ее газели, основывается на рифме с вопросительными частицами. «*О Гульчечка! От бурных чувств радуется ли душа? / А в твоём журчащем ключе бывает ли «засуха?»*» (Перевод Ф.Тархановой)

*И Гёлчэчкэ, ташкын хистэн
кўңелләрең туламы? –
Синең дә челтер чиммәңдә
су кипкән чак буламы?*

Газелям Ф.Тархановой в определенной степени присущи жанровые особенности мунаджатов – стихов религиозно-интимного характера. Однако такого рода ее стихотворения не содержат слов мольбы к Всевышнему или его восхвалений, нет в них и доминирования религиозного содержания. И все же нет оснований говорить о некой редуцированности религиозной тематики в газелях поэтессы, в них религиозное содержание перекликается с мотивом судьбы. Реальность лирического героя произведений Ф.Тархановой однопланова, он не склонен к философствованиям,

принимает факты такими, какие они есть. Тем не менее в стихотворениях поэтессы можно часто встретить обращения к Богу, однако в них нельзя увидеть борьбы за счастье, лирический герой покорно ожидает своей участи подобно суфийскому учению. Кроме того, сюда добавляются и чисто женские черты – желание хорошо одеваться, забота о красоте лица и тела.

В содержании группы произведений автора прослеживается момент автокоммуникации, нельзя не почувствовать и трагического, печального начала, мотива разлуки. На этом сходство данных газелей с мунаджатами и заканчивается. В стихотворениях Ф.Тархановой всегда присутствуют два субъекта: если один из них – лирическое «Я», то второй – первопричина чувств, волнующих этого «Я». Отличительной чертой первого является то, что каждое его слово исполнено тягой к любви, нежности, которые он требует от объекта изображения. Содержание стихотворений постоянно меняется, в одном месте лирический герой обращается к воспоминаниям о прошлом (предостерегая: «Гульчечка, не обманись!»), в другом – занимается самоутешением, призывая себя к терпению.

Ф.Тарханова, соблюдая традиции газели, в последней строфе своих стихотворений вместо имени автора приводит свое имя как псевдоним в переводной его форме – «Гульчечка» (цветок розы). Также уместно будет отметить, что многие газели поэтессы имеют реди́ф, т.е. одно и то же слово (иногда слова) в конце полустиший. Она, подобно Р.Гаташу и М.Мирзе, в каждом своем стихотворении придерживается данного канона. Нельзя не отметить и еще одной особенности творчества Ф.Тархановой: большая часть ее газелей написана 15-сложным размером. Можно отметить и поэти-

ческие строки в 16, 18, даже в 23–24 слога. Именно эта особенность усиливает выразительность, музыкальность ее газелей, иначе говоря, в произведениях Ф.Тархановой находит наиболее полное выражение природа аруза. Подобная специфика стихосложения сближает ее с узбекской поэссой Надирой.

Стихотворения в жанре газели и Р.Гаташ, и М.Мирза пишут 11-сложным метром. Как известно, данный размер характерен не только для силлабической системы стихосложения, но и для тюркского аруза. Взаимопроникновение элементов аруза и классического тюркского стиха отмечал ученый Г.Халит (1915 – 1992). Известный литературовед современности М.Бакиров писал по этому поводу: «Как и в арабо-персидском арузе, в древнем тюркском письменном стихе был широко распространен размер 11–11, и “сходства в области равенства слогов позволили тюркам использовать свой 11-сложный размер для подражания персидским образцам, написанным аналогичным размером, то есть первые тюркские произведения, созданные под персидским влиянием, имели 11-сложную форму”»¹⁴. Здесь ученый продуктивность приведенной поэтической закономерности сводит к соответствию усиленного и музыкального ударений. При обосновании этой гипотезы он лишь добавляет, что квантитативность строится не только на чередовании долгих и кратких слогов. Тем не менее приходится признать, что, хотя наиболее распространенный вариант «современных газелей» у татар основывается на 11-сложном метре, среди исследованных нами форм газели, принадлежащих к классической поэзии Востока, были выявлены 15-, 16-, 17-сложные и т.д. В газелях Р.Гаташа за двумя четырехсложными ритмическими стопами следует трехсложная концевая рит-

мическая стопа. В газелях М.Мирзы сохраняется приведенная последовательность ритмических единиц. Определение же последовательности устойчивых ритмических метров газелей Гульчечки – весьма непростая задача. Разные размеры детерминируют вариативность размещения цезуры в стихотворных строках. Приведем 15-сложную газель, напоминающую народную песню: «На склоненной к воде иве запоет ли соловей? / Есть ли без соловья ива, а без ивы – соловей? // Не сравнивай с березой стан камышовой девоньки – // Разве двигается в жизни стройный ствол березоньки?»

Суга иел-	гән талларга
былбыл килеп	кунамы? –
Тал – былбылсыз,	былбыл талсыз
бу дөнъяда	буламы?
Каен белән	чагыштырма
сылу кызның	гәүдәсен –
Төз үскән ма-	тур кәүсәнең
хәрәкәте	буламы?

Как видно из схемы стиха, газель построена на метре рамале стихотворной системы аруза, которая заканчивается усеченной формой рамала.

Как видим, если во второй части полустилиший порядок расположения ритмических членов линейен, то в первой их половине местоположение цезуры меняется. По законам аруза цезура может размещаться и внутри слова, а не только в его конце, как это имеет место быть в силлабике.

Как правило, татарские поэты не следуют всем традициям написания газели. К примеру, лишь в очень немногих газелях Р.Гаташа используется такое стилистическое средство, как радиф. Схожую картину мы можем наблюдать и в творчестве М.Мирзы. Если даже названный элемент поэтического синтаксиса и находит себе место в стихотворении, поэтами не соблюдаются все канонические требования: элемент радифа или употребляется в форме вспомогательного сло-

ва, либо вопросительной частицы, или входит в состав предыдущего предложения, то есть перед повторяющимся словом мысль не заканчивается, поэтому его бывает невозможно обособить запятой. Стихи же Ф.Тархановой свободны от подобного недостатка, в ее газелях радиф используется часто и в соответствии со всеми канонами. В газелях такого рода, которые вышли из-под пера поэтессы, рифмованные слова идут до радифа, следовательно, возникает двойная рифма. *«Твои губы слаще меда, не найти таких, сказал, / Не подпускай к ним больше люда – самому рай в них, сказал. // Вокруг глаз кайма ресниц чудный осокорь сказал. / Не приютит к себе других, они мои теперь, сказал».* (Перевод Ф.Тархановой)

*Иреннәрең балдан татлы –
мондыйлар сирәк, дидең,
Беркемне дә кагылдырма –
үземә кирәк, дидең.
Күзләреңне каймалаган керфегең –
тирәк, дидең,
Сыендырма башкаларны –
үземә кирәк, дидең.*

Здесь мы видим, что характерная для газели рифма «керфегең – тирәк / үземә кирәк», употребляясь перед словом «дидең», восходит к такому элементу поэтического синтаксиса, как радиф. В данной газели цезура имеет четко определенную позицию, неизменно следуя на протяжении всех шести строф за восьмым слогом, что значительно усиливает ритмическое звучание стихотворения.

В газелях Ф.Тархановой сильно развита изобразительность: автор в состоянии сформировать слово-образ из горизонтальных рифм, ориентируясь на его популярность в народе, особенно – в народном песенном творчестве, напевны у нее и сравнения, эпитеты. У Гульчечки часто можно встретить образы, характерные для средневековой суфийской поэзии, среди них

– «соловей, севший на ветку ивы», «птица счастья», «губы слаще меда», «расцветшая роза», «испепеленная любовь» и т.д. Гульчечка не обуздывает свои чувства, пишет про них совершенно открыто, для нее свойственна развитая эмоциональность. Строки ее газелей неизменно выразительны, она стремится к абсолютной поэтической гармонии. В каждой газели поэтессы переживание, звучащее лейтмотивом произведения, ассоциативно переплетается с какой-либо одной рифмой, автор концентрирует внимание на словах, созвучных этой рифме, что позволяет создать ощущение поэтической цельности стихотворения. Таким образом, в произведениях Ф.Тархановой присутствует не только лирическое «Я», но и лирическое «Ты».

Поэтесса формирует строки газели «Не познавшая истинной любви...» («Чын сөюне татымаган...») из 23 слогов. Через каждые 16 слогов оставшиеся слова переносятся на новую строку с некоторым отступом. Отметим, что для газелей, написанных в системе аруза, естественным является деление полустушии на две части (мисраг). В данном случае лишний ритмический член не вредит мелодичности стиха; ни одна из двух синтаксических единиц, заканчивающихся одним и тем же деепричастным аффиксом, не является лишней, образуя градацию, служа усилению авторской мысли.

Обратимся к газели, которая начинается со слов «Десятки лет назад» («Дистәлэгән еллар элек»). Стихотворение посвящено описанию переживаний лирического героя, потерявшего ребенка. Если мы остановим свое внимание на рифмах, то увидим, что они звучат следующим образом: *«Однажды летом гнездо с уютом разлилось до конца, / На куски разбилось сердце, почернев мое лицо. // Вместе с ним упал на землю мой единственный птенец, / Кровью залился безвинный,*

ждуший от меня чудес.// О Гульчечка! Каждый день проси терпенья у Тенре, // Повзрослев, твоя надежда всегда поможет тебе». (Перевод Ф.Тархановой)

*Матур жәйдә корган оям
көтмәгәндә таралды –
Бәгырем шартлап ярылды,
ак йөзләрем каралды.
Оям белән килеп төште
кеп-кечкенә кошчыгым –
Кан тамчысы сарган иде миңа
сузган томшыгын.
И Гөлчәккә, һәр көн таңнан
түзем сора Ходайдан,
Әжәре: үскәч кошчыгың ярдам
салыр һәркайдан.*

Окончания полустиший каждой строфы данной газели оказались в состоянии передать всю скорбь убитой горем матери. Автор использует следующие образы: «в ушах моих – стоны, в глазах – мука». Гульчечка через образную систему стихотворения доносит до читателя мысль о нескончаемости своей скорби, описывает смерть ребенка на руках у матери. Рифма в газели обеспечивает цельность передачи чувства, объединяющего строфы 5–6 бейтов. В традиционной газели должна быть выдержана каноническая схема рифмовки, Ф.Тарханова же некоторые газели пишет рифмой, характерной для маснави, когда каждое двустрочие обладает самостоятельной рифмой. Будет правильным воспринимать такие стихи в качестве стилизаций под газели, пусть даже в них сохраняются все остальные традиционные признаки жанра. Одно из таких мелодично звучащих стихотворений было написано еще в 1982 г.

Рифмовка маснави встречается в татарской поэзии часто, стихи такого рода составляли основу творчества А.Синугыла (1935–2004). Видимо, строфа бейта по сердцу тюркскому человеку, в то время как газель, что ни говори, – арабо-персидская форма.

Если перейти к тематическому многообразию творчества Ф.Тархановой, то можно отметить тот факт, что поэтесса не уходит далеко от традиционной тематики газелей. В своих стихах она не обращается к политике, обходит стороной социальный контекст. Единственным исключением служит лишь газель «Считая себя выше...» («Үзеңне өстенгә санап...»), написанная в 2007 г. Данное произведение написано в качестве ответа некоему завистнику, неприязни к которому автор не скрывает, не считая нужным сохранять деликатность.

Ф.Тарханова пробует свои силы и в других жанрах восточной поэзии. В ее творческом багаже имеются восьмистрочные «мусамманы», написанные сложным размером «мустазады», пятистрочные «мухаммасы», четырехстрочные «мураббаги», основанные на своеобразной системе рифмовки «таражжибанды», шестистрочные «мусаддасы», семистрочные «мусаббы», которые нельзя встретить ни у одного другого поэта современности и которые требуют отдельного рассмотрения. И в такого рода своих стихотворениях поэтесса не увлекается сложными метафорами, пишет в народном формате, применяемые изобразительные средства сближают ее произведения с народными песнями. Она не поднимает в своих стихах сложных философских тем, обладая талантом говорить обо всем просто и понятно, но в то же время проникновенно, воздействуя на читателя не логикой, а чувством.

В одном из своих стихотворений поэт Л.Лерон назвал Р.Гаташа «поэтом Любви». После прочтения любовных стихов, газелей Ф.Тархановой хочется назвать ее «поэтессой Любви». На первый взгляд, для женщин представляется естественным писать любовные стихи. У поэта Р.Хариса есть стихотворение «Поэтесса Любви»

(оба слова в словосочетании пишутся с большой буквы!), посвященное С.Сулеймановой (1926–1980). Действительно, сохранились непревзойденные образцы любовной лирики С.Сулеймановой, и в наши дни поэтессы продолжают писать взволнованно, сильно, вдохновенно. Ф.Тарханова не только обогащает это направление с точки зрения содержания и поэтики, она находит поэтическую форму, наиболее точно соответствующую данному содержанию, предлагая читателю произведения любовной лирики в жанре газели. Еще раз заметим, что, во-первых, газель считается эталоном

красоты в иерархии жанровых форм, во-вторых, газель – редкий в наши дни жанр со сложной ритмической системой и рифмовкой.

В жестких условиях современной действительности Ф.Тарханова находит в себе силы обращаться к поэтическим экспериментам, предаваться творческому поиску, писать стихи, которые читают с интересом, – и все это без политики, без столь частого в женской поэзии навязчивого дидактизма, без жалоб на проблемы повседневной жизни. Ее стихи являются перспективным исследовательским материалом для ученых-литературоведов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мэхмүтов М.И., Хэмзин К.З., Сэйфуллин Г.Ш. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге: Татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре / Арабско-татарско-русский словарь заимствований. 1 том. – Казань: Иман, 1993. – 448 с.

² Курбатов Х.Р. Татар шигърь ритмикасы. – Казан, 2004. – 80 б.

³ Надира. Избранные произведения / Махлар-айым Надира.: Х.С.Сулейманов и др. – Т. Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1979. – 128 с.

⁴ Миллият сүзлеге: Аңлатмалы сүзлек /Татарский мир: Толковый словарь. – Казан: Мәгариф, 2007. – 575 б.

⁵ Әдәбият белеме сүзлеге / төз.ред. А.Г.Әхмәдуллин. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1990. – 238 б.

⁶ Әдәбият белеме: Терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге. – Казан: Мәгариф, 2007. – 231 б.

⁷ Миннегулов Х. Записи разных лет (Татарская литература: история, поэтика и взаимосвязи).– Казань: Идел-Пресс, 2010. – 407 с.; Миңнегулов Х.Й. Гасырлар арасында уйланулар.– Казан: Татар.кит.нәшр., 2010. – 319 б.

⁸ Миңнегулов Х.Й. «Дөнъяда сүземез бар...». – Казан: Татар.кит.нәшр., 1999.– 336 б.

⁹ Ганиева Р.К. Заманның шигъри пәйгамбәре / Гаташ Р.К. Сайланма әсәрләр. 3 томда, 3 том / Рәдиф Гаташ; кереш сүз авт. Р.Ганиева. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2009.– 351 б.

¹⁰ Насыйри Каюм. Сайланма әсәрләр 4 томда, 4 том. Кереш мәк. авт. Р.Кадыйров.– Казан: Татар.кит.нәшр., 2006. – 400 б.

¹¹ Юзиев Н.Г. Шигърь гармониясе: Татар шигъре поэтикасы.– Казан: КДУ нәшр., 1972.– 221 б.

¹² Словарь литературоведческих терминов / Елисеев И.А., Полякова Л.Г. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 320 с.

¹³ Тарханова Ф.Г. Язмышлар язылганда: шигърьләр, хикәяләр.– Казан: Татар.кит. нәшр., 2007.– 239 б.; Тарханова Ф.Г. Яшьлек эзем калган сукмаклар: Шигърьләр, жырлар, поэмалар.– Казан: Татар.кит.нәшр., 2005.– 223 б.

¹⁴ Бакиров М.Х. Шигърият дөнъясына сәяхәт: Фольклордан язма шигърияткә күчеш тарихыннан.– Казан: ТГЖ нәшр., 1999.– 238 б.; Халит Гали. Тукай и его современники.– Казань, 1966.

Аннотация

Данная статья раскрывает особенности творческого стиля Ф.Тархановой на примере наиболее характерного для ее поэзии жанра газели. Нами устанавливается связь между стихотворной формой, основанной на традициях восточной поэтики, и содержанием газелей поэтессы. Статью дополняет обзор справочной и научно-теоретической литературы, посвященной истории и теории функционирования газелей в литературной системе.

Ключевые слова: жанр газели, восточная поэзия, стихотворная форма, строфа бейта, любовная лирика, рифма газели.

Summary

This article uncovers distinguishing features of creative style of F.Tarkhanova on a most characteristic for her poetry gazel genre. We establish a relationship between poetic form, based on the traditional poetics of the East, and the content of gazels of the poetess. Article complements review of dictionaries and scientific and theoretical literature on the history and theory of functioning of gazels in the literary system.

Keywords: genre gazels, East poetry, poetic form, verse Beit, amorous lyrics, rhyme gazels.